

ПОЧЕМУ США НЕ НАПАДАЮТ НА КИТАЙ? ТУМАН БУДУЩЕГО И ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПТИМИЗМ В ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

Игорь ИСТОМИН
МГИМО МИД России

Аннотация: Подъем Китая породил вызов попыткам доминирования США на мировой арене. Тем не менее Вашингтон сравнительно запоздало и сдержанно реагировал на него. США не рассматривали вариант силового устранения потенциального конкурента, а, напротив, сохраняли с КНР интенсивные связи, способствующие ее дальнейшему усилению. Настоящая статья утверждает, что политика Вашингтона в отношении Китая определяется оптимизмом в руководстве США относительно сохранения долгосрочных оснований американского могущества. Иными словами, Соединенные Штаты не считают себя слабеющей державой и рассчитывают на то, что в долгосрочной перспективе КНР не выдержит конкуренции с ними. В этой связи они проводят преимущественно выжидательный курс, сочетающий элементы давления с неготовностью ни к серьезной эскалации, ни к значимым уступкам. Основания для американского оптимизма дают господствующая в международных отношениях неопределенность относительно соотношения сил между великими державами и неясность перспектив сохранения текущих трендов изменения национальной мощи. В этих условиях оценки Вашингтона строятся на идеологизированных представлениях о превосходстве либерально-демократической модели над конкурентами и апелляциях к примерам великодержавного соперничества в прошлом. Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 2000-х до середины 2020-х гг. Статья начинается с теоретического обоснования истоков оптимизма слабеющих держав. После этого описывается изменение соотношения сил между США и КНР на основе традиционных показателей национальной мощи. Далее приводятся аргументы, оспаривающие американское ослабление. Излагаются официальные оценки угроз позициям США. Наконец, прослеживается соотношение аккомодации, давления и сдержанности в политике Вашингтона. Результаты анализа побуждают скорректировать теоретические представления о динамике великодержавного соперничества. Они показывают, что недостаток достоверной информации может вести не только к обострению соперничества (как предполагает «дилемма безопасности»), но и к ограничению конфронтации.

Игорь Александрович Истомин – кандидат политических наук, доцент, и.о. заведующего Кафедрой прикладного анализа международных проблем, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-8334-6343. E-mail: iaistomin@gmail.com

119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 03.06.2024

Принята к публикации: 17.06.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Предварительные наработки по данному исследованию были апробированы на круглом столе «Стратегия США в XX–XXI вв.: истоки, преемственность, противоречия» в ИНИОН РАН 17.11.2023 и научном семинаре «Фундаментальные социально-экономические и демографические сдвиги в США: эффекты для политики» в НИУ Высшая школа экономики 31.05.2024. Автор выражает признательность участникам мероприятий за ценные комментарии.

Ключевые слова: США, внешняя политика, сдерживание, аккомодация, превентивная война, властный транзит, идеологизация, подъем Китая

Введение

Вопрос, вынесенный в название статьи, указывает на один из центральных парадоксов международных отношений первой четверти XXI века. Подъем Китая продолжается на протяжении десятилетий. Проницательные наблюдатели уже длительное время указывают на вызов попыткам американского доминирования, который он порождает (Mearsheimer, 2006; Jacques, 2012; Mahbubani, 2009; Layne, 2018; Doshi, 2021). Раз потенциальная угроза столь ясно очерчена, логично ожидать, что США предпримут решительные меры для ее купирования.

Тем не менее Соединенные Штаты до конца 2000-х гг. практически игнорировали риски усиления Китая, растрачивая ресурсы в экспедиционных миссиях на второстепенных направлениях. Даже после того, как Вашингтон переориентировал внимание на великодержавное соперничество, его политика в отношении Пекина оставалась паллиативной. США не рассматривали вариант силового устранения потенциального конкурента. Наоборот, они сохраняли с КНР интенсивные связи, способствующие ее дальнейшему усилению.

Такая флегматичность удивительна ввиду исторического опыта США, не стеснявшихся использовать вооруженную силу во внешнеполитических целях. В 1917 г. они вступили в Первую мировую войну при отсутствии реальной угрозы агрессии против собственной территории. В 1941 г. ввели всеобъемлющее экономическое эмбарго против Японии, сподвигнувшее Токио к нападению на Перл-Харбор. После разгрома гитлеровской Германии США проигнорировали заинтересованность СССР в сохранении коалиции, спровоцировав Холодную войну.

В 1990-х – 2000-х гг. Вашингтон активно проводил военные операции в ситуациях, мало затрагивавших его жизненные интересы. Он широко применял экономические ограничения в отношении государств, которые относил к разряду противников (например, Кубы, Ирана, КНДР, Сирии). Более того, США вступили в опосредованное военное противоборство с Россией – державой, обладающей крупнейшим ядерным потенциалом. Таким образом, их нельзя заподозрить в дефиците решимости. Напротив, для них характерна инфляция угроз (Cramer, Thrall, 2009; Jervis, 2009; Snyder, 2009).

Наиболее частым объяснением ограниченности противостояния США и Китая выступает отсылка к глубокой хозяйственной взаимозависимости двух держав. Между тем исторический опыт показывает, что такие связи мало останавливали страны от столкновений (Copeland, 2015). Напротив, чаще они провоцировали ощущение уязвимости, обостряющее конфликтность.

Пример деградации отношений между Россией и Западом с середины 2010-х гг. подтверждает, что и в XXI веке экономическое сотрудничество не дает гарантий от конфронтации.

Настоящая статья утверждает, что политика Вашингтона в отношении Китая определялась оптимизмом в руководстве США относительно сохранения долгосрочных основ американского могущества. Иными словами, Соединенные Штаты не считали себя слабеющей державой и рассчитывали на то, что в долгосрочной перспективе КНР не выдержит конкуренции с ними. В этой связи они проводили преимущественно выжидательный курс, сочетающий элементы давления с неготовностью ни к серьезной эскалации, ни к значимым уступкам.

Основания для американского оптимизма давала неопределенность соотношения сил между великими державами и неясность перспектив сохранения текущих трендов перераспределения национальной мощи. В этих условиях оценки Вашингтона строились на идеологизированных представлениях о превосходстве либерально-демократической модели над конкурентами и апелляциях к примерам великодержавного соперничества в прошлом.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 2000-х до середины 2020-х гг. Нижняя граница определяется сдвигом в оценке угроз США от примата противодействия транснациональному переливу нестабильности к концентрации на великодержавном соперничестве. Верхняя граница остается проблематичной, так как рассматриваемые процессы имеют незаконченный характер и нельзя исключать ужесточения линии поведения США по отношению к Китаю в будущем (скорее, его стоит предполагать).

Этот сценарий не будет противоречить основной идее статьи, которая утверждает, что исторический оптимизм слабеющей державы побуждает ее реагировать на возникающие вызовы с запозданием. Если война между Китаем и США состоится, она будет протекать в гораздо менее благоприятных для Вашингтона условиях, чем те, которые имели место в предшествующие годы.

Изучению политики США на китайском направлении в рассматриваемый временной промежуток посвящена обширная литература. Значительный вклад внесли отечественные авторы (Батюк, 2019, 2023; Бычкова, 2014; Лексютина, 2011, 2012, 2018, 2019, 2020; Давыдова, Кокоулина, Денисенкова, 2019). Вместе с тем их публикации носят преимущественно историко-описательный характер. Задачу объяснить отказ США от более решительного противоборства с Китаем они не ставят. Взгляд американских авторов ограничивает описываемый в настоящей статье оптимизм относительно превосходства США¹.

¹ При этом наиболее подробное специализированное издание близко отечественной традиции нарративных описаний двусторонних отношений (Cohen, 2019).

Для обоснования предположения о сдерживающем значении самоуверенности Вашингтона анализ разделен на пять частей. В начале дается теоретическое обоснование истоков оптимизма слабеющих держав. После этого описывается сдвиг в соотношении сил между США и КНР на основе традиционных показателей. Далее приводятся аргументы, оспаривающие американское ослабление. Излагаются официальные оценки угроз позициям США. Наконец, прослеживается соотношение аккомодации, давления и сдержанности в политике Вашингтона. Заключение обобщает выводы исследования.

Сдвиги в соотношении сил и международная стабильность

Последствия сравнительного ослабления великих держав издревле привлекали внимание исследователей. Еще Фукидид рассматривал перераспределение потенциалов как основную причину конфликта между древнегреческими полисами. Хрестоматийным стало его утверждение: *«Истиннейший повод, хотя на словах и наиболее скрытый, состоит, по моему мнению, в том, что афиняне своим усилением стали внушать опасения лакедемонянам и тем вынудили их начать войну»* (Фукидид, 1999: 41).

В 2010-х гг. дестабилизирующее значение сдвигов в соотношении сил получило обозначение *«ловушки Фукидида»*. В популяризации этого выражения ведущую роль сыграл Грэм Аллисон (Allison, 2017). Между тем еще с 1950-х гг. научное обоснование такой логики взаимодействия разрабатывали представители теории властного транзита. Впрочем, инициирование войн они приписывали восходящим державам, неудовлетворенным тем порядком, который установило слабеющее государство (Organski, Kugler, 1980).

Им оппонировал Роберт Гилпин, утверждавший, что восходящему государству как раз нет смысла начинать конфликт, так как по мере дальнейшего усиления оно сможет навязать свою волю с меньшими издержками (Gilpin, 1981). В этой связи он объяснял междержавные столкновения попытками слабеющей стороны упредить окончательный закат, сокрушив конкурента до того, как он стал недостижим. Эта логика легла в основу теории превентивной войны.

Подробно ее разработал Доул Коупленд, выделивший несколько сценариев, в рамках которых перераспределение сил приводит к крупным вооруженным столкновениям (Copeland, 2001). В качестве наиболее опасной он определял ситуацию, при которой экономические основания мощи нисходящей державы ослабевают быстрее, чем снижается ее военный потенциал. В этих условиях особенно сильным становится соблазн задействовать еще сохраняющийся ресурс для слома тенденций.

Пессимистичные оценки оспорили авторы, доказывавшие, что увядающие державы склонны проявлять сдержанность. Ведущее место среди них занимают Пол Макдональд и Джозеф Парент (MacDonald & Parent, 2011; 2018). Они указывали на способность слабеющих государств оценить риски прямого столкновения и идти на уступки восходящим конкурентам. Они также отметили, что отступление может позиционироваться как тактический ход для последующего восстановления международных позиций.

Эти выводы подкрепляли другие исследования, демонстрирующие стратегические выгоды самоограничения. Так, Дэниэл Трейсман обосновал, что при наличии нескольких конкурентов уступки некоторым из них помогают государству концентрировать ресурсы на приоритетных направлениях (Treisman, 2004). Брендон Йодер показал, что частичное отступление дает информацию о характере оппонента, позволяя отделять ограниченных ревизионистов от ненасытных агрессоров (Yoder, 2019).

Другие авторы доказывали, что слабеющие державы в ряде случаев договариваются о почетных условиях своего низложения, устраняя стимулы цепляться за вершину международной иерархии. В качестве показательного образца мирного ослабления приводился пример Великобритании. В середине XX века она практически безропотно отказалась от глобальных амбиций (Schake, 2017; Itzkowitz-Shiffrin, 2018). Аналогичным образом СССР в конце 1980-х гг. пошел на серьезные уступки США и Китаю.

Соперничество двух взглядов на политику слабеющих держав осложняется тем, что сторонники обоих находят исторические примеры в поддержку собственных утверждений. Таким образом, снижение потенциала государства как таковое не является переменной, однозначно детерминирующей выбор конкретной стратегии государства. Оно может побуждать как к превентивной эскалации, так и к попыткам аккомодации усиливающегося конкурента.

Между тем опрометчиво сужать выбор, стоящий перед слабеющими государствами (как и любыми другими) только к двум опциям: инициированию вооруженного столкновения или уступкам. Такое противопоставление игнорирует наличие третьего варианта, заключающегося в линии на выжидание (Истомин, 2018). Последняя не означает полного бездействия, но ограничивает спектр предпринимаемых шагов теми, которые имеют обратимые последствия.

Стратегия выжидания может включать как элементы принуждения, так и попытки заключения договоренностей с конкурентом, но только до тех пор, пока их издержки остаются ограниченными. При этом она представляет собой не просто что-то промежуточное между эскалацией и аккомодацией. Этот курс качественно отличается от двух остальных тем, что он не направлен на устранение вызовов, порождаемых изменением соотношения сил.

Выжидание исходит из того, что со временем проблема решится сама собой или во всяком случае будут достигнуты более благоприятные условия для ее решения. Превентивная война не подпадает под эту логику, так как она призвана обеспечить решающий результат в противостоянии. Равным образом выжидание несовместимо с поиском компромисса, направленного на разрешение существующих противоречий, а не просто смягчение конфронтации.

Кроме сужения многообразия возможных стратегий слабеющих держав теоретические дискуссии также недооценивают роль ожиданий в выборе государств. В рассуждения закладывается линейный характер

изменения соотношения сил, который далее вменяется представлениям лиц, принимающих решения. Теоретики предполагают, что наблюдаемые тренды сохранятся или, по крайней мере, что государственные деятели исходят из их неизменности.

Между тем политика государств руководствуется не столько текущей динамикой, сколько предположениями политического руководства относительно ее сохранения или изменения в будущем. При этом ни одна тенденция не сохраняется бесконечно долго. Циклы подъема сменяются ослаблением, а за спадами неизменно следуют периоды роста. Достаточно посмотреть на примеры прогнозов, делавшихся ранее, чтобы убедиться – ни правительства, ни аналитики не очень хорошо способны предсказывать будущие тренды (Tetlock, 2005).

Более того, отсутствует единый измеримый показатель, характеризующий национальный потенциал. В литературе продолжают дискуссии относительно свойств, определяющих способность государств влиять на международные отношения (Богатуров, 2006; Шаклеина, 2011; Singer, 1988; Tellis, 2001). Даже для характеристик, по которым имеется консенсус (богатство, военная мощь, научно-технологическое развитие), предлагаются различные индикаторы. В отсутствие единого способа измерения потенциала отдельные показатели порой дают разную картину соотношения сил (Wohlforth, 1993).

Как следствие, политические лидеры могут сохранять исторический оптимизм, несмотря на неблагоприятную динамику по отдельным показателям. Что может способствовать его усилению в условиях противоречивости настоящего и непроницаемости будущего? Исследования в области политической психологии подсказывают, что картина мира государственных деятелей в значительной мере определяется идеологическими представлениями и предшествующим опытом (Jervis, 1976; Neustadt, May, 1986).

В первую очередь, большинство идеологических систем построено на представлении о том, что история находится на стороне ее последователей, и, соответственно, реализация ее положений – объективно предопределенная неизбежность. Это не исключает необходимости предпринимать в настоящем усилия для достижения лучшего будущего, но рост идеологизации способствует укреплению ожиданий позитивной перспективы (Хрусталеv, 2008). Более того, идеологическая заданность усиливается именно на фоне материального ослабления и обострения внутренних трудностей.

Соответственно усиливается склонность рассматривать неблагоприятные изменения как временную aberrацию. Этот взгляд оказывается особенно соблазнительным в ситуациях, когда конкурент отстаивает иную систему ценностей, характеризуется принципиально другим политическим, экономическим, социальным устройством. Такие различия подводят к выводу, что он стоит на ложном пути, а его текущие успехи – продукт случая.

Как следствие, высокий уровень идеологизации побуждает к отказу от радикальных ответов на вызовы, порождаемые перераспределением потенциалов. Если ослабление в будущем прекратится, то государству нет смысла

упреждать подъем конкурента. Равным образом нет стимулов и идти на значимые уступки. Следовательно, возрастает вероятность, что такое государство выберет стратегию выжидания в расчете на «невидимую руку» исторического прогресса.

Предшествующий опыт оказывает наибольшее воздействие на ожидания политического руководства в случаях наличия аналогий с примерами противостояний с другими конкурентами. Чем длительнее пребывание нисходящей державы на вершине иерархии, тем выше вероятность возникновения «синдрома Колобка» – представления, что раз ей удалось выйти победителем из предыдущих противостояний, она сможет удержать свои позиции и в нынешнем противоборстве².

Такой оптимизм сочетается со склонностью воспроизводить ранее обеспечившую успех модель поведения, особенно если желаемый результат достигался с ограниченными издержками. В случаях, когда цена победы над предшествующим конкурентом была высока, государство будет искать более экономные решения. В обоих случаях логика сбережения усилий подталкивает к выжидательным стратегиям как менее ресурсозатратным.

Приведенные механизмы помогают объяснить возможный отказ слабого государства как от попыток упреждающего удара, так и от серьезных уступок усиливающейся державе. Оптимизм в данном случае будет вести не к обострению противостояния, как считают сторонники оппортунистической теории войны³, а к затягиванию соперничества. В результате противостояние перейдет в позиционную форму.

Ввиду вышеописанной неопределенности соотношения сил и неясности будущего, расчет на благоприятные изменения трендов может оказаться ошибочным. В этом случае впоследствии перед государством опять встанет развилка между эскалацией и аккомодацией, но уже в худших условиях. Как следствие, оно окажется перед необходимостью выбора еще более рискованных действий. В этом отношении ставка на выжидание приводит к запоздалым реакциям государства на ослабление и к более масштабным конфликтам или уступкам.

Материальные проявления ослабления США

Тезис об ослаблении могущества США получил широкое признание в отечественной литературе, превратившись практически в догму (Шаклеина, 2018; Караганов, 2019; Сафранчук, Лукьянов, 2021). К 2020-м гг. Вашингтон действительно столкнулся с большими трудностями в проведении собственного курса на международной арене по сравнению с 1990-ми и 2000-ми.

² В психологической науке такая склонность обозначается как «эффект поведенческой конфирмации», когда агенты приписывают достижение позитивных результатов собственным характеристикам и действиям, а не благоприятным обстоятельствам. См. Starbuck, Hedberg, 2001.

³ В противовес теории превентивной войны оппортунистическая модель исходит из того, что государства идут на эскалацию тогда, когда уверены в высокой вероятности успеха и низких рисках, см. Van Evera, 1999.

Ему приходится иметь дело со стремлением растущего числа стран проводить инициативный, независимый курс без оглядки на американское недовольство.

В то же время объективные показатели национальной мощи дают противоречивую картину (см. табл. 1). Доля США в мировой экономике на основе валового внутреннего продукта по паритету покупательной способности с глобального финансового кризиса снизилась на 1,4%, но в расчете по обменному курсу на столько же выросла. Вклад США в мировые военные расходы уменьшился заметно – на 5,5%. Тем не менее, их оборонный бюджет по-прежнему больше совокупных затрат 15 ближайших преследователей.

Таблица 1. Доля США в мире по показателям национальной мощи (в %)⁴
Table 1. U.S. share of global national power indicators (%)

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
ВВП по ППС	17,2	16,8	16,3	16,1	15,9	16,0	16,2	16,0	15,8	15,6	15,4	15,2	15,0	14,8
ВВП по обменному курсу	23,8	22,6	21,1	21,5	21,7	22,0	24,2	24,5	23,9	23,7	24,4	24,7	24,0	25,2
Военные расходы	45,2	44,8	43,0	41,3	38,7	37,0	38,4	38,8	37,7	37,8	39,6	40,2	39,0	39,7

Различия в данных по отдельным показателям свидетельствуют, что перераспределение мощи в пользу восходящих центров силы осуществляется в большей степени за счет других развитых стран. Между тем США удерживают по крайней мере часть ранее занятых позиций. С 2000-х гг. они демонстрируют скорее стагнацию, чем закат, сохраняя положение наиболее конкурентоспособной державы Запада.

Иная картина складывается при рассмотрении мощи США в сравнении с непосредственными конкурентами, в первую очередь с Китаем. Этот подход более адекватен для анализа великодержавного соперничества, так как государства фокусируются на соотношении сил с противниками, а не на общем распределении потенциалов в международной системе. Соответственно, изменения в группе ближайших преследователей имеют наибольшее значение с точки зрения выявления структурных стимулов отдельной державы.

Таблица 2. Потенциал Китая по показателям национальной мощи (в % от США)⁵
Table 2. China's national power indicators (% of the US)

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Заявки на патенты	69,0	79,8	104,5	120,3	144,4	160,4	186,9	221,0	227,6	258,2	225,4	250,7	268,1	н.д.	н.д.
Научные публикации	52,2	55,8	62,0	62,0	66,2	71,8	66,4	71,1	75,4	82,6	98,7	108,7	116,9	142,0	146,0
ВВП по ППС	76,4	82,3	88,7	93,6	97,2	99,3	100,1	103,1	105,7	109,4	113,7	119,9	123,6	124,9	н.д.
ВВП по обменному курсу	35,2	40,4	48,4	52,5	56,8	59,7	60,8	60,1	63,2	67,7	66,8	69,7	76,4	70,6	н.д.

⁴ Источник: составлено автором по данным Всемирного банка.

⁵ Источник: составлено автором по данным Всемирного банка и Scimago.

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Военные расходы	13,7	14,3	16,7	20,0	24,2	28,1	31,0	31,0	32,5	34,1	32,7	33,1	35,5	33,3	н.д.

В этом измерении ослабление США заметно (см. табл. 2). С конца 2000-х гг. соотношение научно-технологических, экономических и военных потенциалов между Вашингтоном и Пекином существенно сместилось в пользу последнего. По таким показателям, как ВВП по ППС, количество поданных патентных заявок, число исследовательских публикаций в международно признанных научных изданиях Китай обошел Соединенные Штаты.

По индикаторам, по которым КНР продолжает уступать, разрыв сильно сократился. Так, ВВП Китая в расчете по обменному курсу в 2009 г. немногим превышал треть от американского. В 2022 г. он составил две трети. Военные расходы Пекина в этот период увеличились в 3 раза, у Вашингтона – только на 20%⁶. Эти индикаторы также фиксируют ослабление США по сравнению с КНР. Они указывают на то, что преимущество Вашингтона ненадежно и при сохранении текущих трендов будет ликвидировано.

Хотя приведенные данные дают только грубую основу для сопоставления, игнорируя качественные характеристики, скрывающиеся за валовыми показателями, более глубокое погружение в состояние отдельных областей подтверждает негативные для США тенденции. В том числе наблюдается ослабление их позиций в базовых секторах экономики. Так, во всех 38 обрабатывающих отраслях американской промышленности с начала 2000-х гг. по 2021 г. отмечено сокращение числа предприятий и занятых сотрудников⁷.

Во многих производствах, в том числе значимых с военной точки зрения, США уступает КНР в разы. Например, Китай почти вдвое превосходит Соединенные Штаты в выработке электроэнергии⁸. В добыче редкоземельных металлов – более чем в 5 раз⁹, в выплавке стали – более чем в 12¹⁰, в производстве алюминия – более чем в 50¹¹. В 2022 г. на американских верфях

⁶ По ряду оценок военные расходы Китая могут быть занижены в 2–3 раза, см. Fravel, Gillboy, Heginbotham, 2024.

⁷ Collins M. (2023) What Are the Obstacles to Reshoring? *Industry Week*. 6 December. Available at: <https://www.industryweek.com/the-economy/competitiveness/article/21278339/what-are-the-obstacles-to-reshoring> (accessed 15 May 2024).

⁸ Statistical Review of World Energy 2023 (n.d.). *Energy Institute*. Available at: https://www.energyinst.org/_data/assets/pdf_file/0004/1055542/EI_Stat_Review_PDF_single_3.pdf (accessed 15 May 2024).

⁹ Cordier D.J. Rare Earths. In: Mineral Commodity Summaries (2024). *USGS Publications Warehouse*. Available at: <https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2024/mcs2024-rare-earths.pdf> (accessed 15 May 2024).

¹⁰ World Steel Association (2024) December 2023 crude steel production and 2023 global crude steel production totals. 25 January. Available at: <https://worldsteel.org/media/press-releases/2024/december-2023-crude-steel-production-and-2023-global-totals/> (accessed 15 May 2024).

¹¹ Merrill A.M. Aluminum. In: Mineral Commodity Summaries (2024) *USGS Publications Warehouse*. Available at: <https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2024/mcs2024-aluminum.pdf> (accessed 15 May 2024).

строилось 5 коммерческих судов океанического класса, на китайских – 1794¹². Производство автомобилей в 2023 г. в Китае превысило 30 млн, в США – только 10,5¹³.

При переносе производств в развивающийся мир развитые страны стремились сохранять за собой высокотехнологичные сектора, а также сферу НИОКР. Тем не менее, по оценкам Австралийского института стратегической политики, на 2023 г. Китай лидировал в исследованиях по 37 из 44 критических технологий¹⁴. Китайские компании доминируют в производстве базовых станций для связи 5G, опережают американских конкурентов в квантовой криптографии и ряде направлений развития искусственного интеллекта¹⁵.

Одно из ключевых направлений технологического соперничества – микрочипы. Хотя исторически Соединенные Штаты были пионерами в этой области, их производство было в значительной степени вынесено за пределы США. Только с конца 2010-х гг. Вашингтон пытается обратить этот тренд вспять. Между тем китайская корпорация *SMIC* осваивает выпуск чипов, соответствующих техпроцессу в 5 нм. Тем самым она вплотную приближается к мировым лидерам (тайваньской *TSMC* и американской *Intel*), работающим над внедрением чипов в 2 и 3 нм¹⁶.

Традиционно качественный перевес американских вооруженных сил с лихвой компенсировал численное превосходство Народно-освободительной армии Китая. Тем не менее с 2010-х гг. Пекин все более явно его оспаривает¹⁷. Так, он сформировал крупнейший после США парк истребителей пятого поколения. Он активно накапливает ракетные средства поражения, включая гиперзвуковые носители, которые у Вашингтона на середину 2020-х отсутствуют. КНР лидирует в производстве коммерческих дронов, получивших широкое военное применение.

Китай развернул масштабное строительство авианосцев, планируя к 2030 г. довести их число до пяти. Между тем США продолжают оперировать 11 кораблями такого класса. Болезненным для Вашингтона ударом стало то,

¹² Congressional Research Service (2023). U.S. Commercial Shipbuilding in a Global Context. 15 November. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12534> (accessed 15 May 2024).

¹³ World motor vehicle production by country/region and type. International Organization of Motor Vehicle Manufacturers. Available at: <https://www.oica.net/wp-content/uploads/By-country-region-2023.pdf> (accessed 15 May 2024).

¹⁴ Gaida J., Wong-Leung J., Robin S., Cave D. (2023) ASPI's Critical Technology Tracker: The global race for future power. Policy Brief. Report No. 69/2023. *Australian Strategic Policy Institute*. Available at: https://ad-aspi.s3.amazonaws.com/2023-03/ASPIs%20Critical%20Technology%20Tracker_0.pdf (accessed 15 May 2024).

¹⁵ Толстухина А. (2023) Технологическая политика США в условиях соперничества с Китаем. Валдайский доклад. *Клуб «Валдай»*, 30.11.2023. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/files/46760/> (дата обращения: 15.05.2024).

¹⁶ TrendForce (2024) SMIC Reportedly to Manufacture 5nm Chips for Huawei Without EUV Machinery. 16 May. Available at: <https://www.trendforce.com/news/2024/05/16/news-smic-reportedly-to-manufacture-5nm-chips-for-huawei-without-euv-machinery/> (accessed 17 May 2024).

¹⁷ О прогрессе вооруженных сил КНР см. *U.S. Department of Defense* (2023) DOD Releases 2023 Report on Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. 19 October. Available at: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3561549/dod-releases-2023-report-on-military-and-security-developments-involving-the-pe/> (accessed 15 May 2024).

что Пекин обошел его по общему размеру военно-морских сил. Хотя Китай не раскрывает величину ядерного потенциала, аналитики предполагают, что к началу 2030-х гг. он приблизится к паритету с Соединенными Штатами и в этом отношении¹⁸. В частности, они указывают на строительство новых шахт для межконтинентальных ракет.

Таким образом, множество показателей фиксирует стремительное изменение соотношения сил между США и Китаем. Даже если они по-разному ранжируют эти две державы, все индикаторы указывают на однонаправленные тенденции усиления Пекина и ослабления Вашингтона. Более того, наблюдаемые тренды соответствуют сценарию, который теория превентивной войны обозначает в качестве наиболее дестабилизирующего, – резкое перераспределение богатства при сохранении у слабеющей державы военного превосходства.

США внимательно отслеживают изменения в соотношении сил с Китаем. Свидетельством осознания угрозы выступают публикуемые с 2000 г. ежегодные доклады о росте военного потенциала КНР¹⁹. Более того, Стратегия национальной безопасности США 2022 г. прямо указывает, что *«КНР является единственным конкурентом, который обладает как намерениями изменить международный порядок, так и во все большей степени экономической, дипломатической, военной и технологической мощью для этого»*²⁰.

Перераспределение потенциалов должно подталкивать США к поиску форсированных ответов на подъем Китая. Исходя из доминирующих в теоретической литературе предположений, они могут принять вид как упреждающего удара, так и уступок, обеспечивающих договоренности о мирном властном транзите на приемлемых условиях. Вне зависимости от предпочтения в пользу конфронтационных или кооперативных решений, представленные данные подводят к выводу, что Вашингтон находится в цейтноте.

Критика подъема Китая

Несмотря на приведенные в предыдущем разделе данные, относительно последствий подъема Китая для Вашингтона продолжается острая дискуссия. Американские специалисты ставят под сомнение как глубину ослабления Соединенных Штатов в предшествующие десятилетия, так и проекцию тенденций 2010-х – первой половины 2020-х гг. в будущее. Их аргументация

¹⁸ Pietsch B. (2024) China pursuing 'significant' expansion of nuclear arsenal, report says. *The Washington Post*, 16 June. Available at: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/06/16/china-nuclear-arsenal-weapons/> (accessed 20 June 2024).

¹⁹ См., например, *U.S. Department of Defense* (2023) DOD Releases 2023 Report on Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. 19 October. Available at: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3561549/dod-releases-2023-report-on-military-and-security-developments-involving-the-pe/> (accessed 15 May 2024). Симптоматично, что США не готовят аналогичных докладов по другим странам, в том числе тем, которые они обозначают в числе угроз.

²⁰ *The White House* (2022) U.S. National Security Strategy. October 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 15 May 2024).

подтверждает тезис о высокой доле неопределенности в оценках соотношения сил и соответственно о широком поле для политического оспаривания негативных трендов.

Ведущим критиком утверждений об ослаблении Соединенных Штатов выступает Майкл Бекли. Он доказывает, что традиционные метрики сильно переоценивают потенциал КНР и соответственно недоучитывают американскую мощь (Beckley, 2011; 2018; 2020). Его позицию разделяет и ряд других экспертов, включая Стивена Брукса и Уильяма Уолфорта (Brooks & Wohlforth, 2016a; 2016b; 2016c; 2023). Предполагаемые искажения в оценке соотношения сил они связывают с несколькими разнородными причинами. В результате они приходят к выводу о сохранении материальных оснований американского доминирования.

В первую очередь, критики утверждают, что данные Китая по многим показателям завышены. Так, они отмечают стимулы к регистрации результатов интеллектуальной деятельности для обеспечения плановой отчетности вне зависимости от их коммерческой ценности. Это приводит к большой доле «мусорных патентов», не свидетельствующих о реальных технологических достижениях²¹. Показательно, что китайские заявители редко регистрируют свои открытия в зарубежных юрисдикциях, то есть они востребованы только в КНР.

Качество патентования в США выше. Оно чаще конвертируется в создание инновационных продуктов. Также заявители, получающие патенты в Соединенных Штатах, чаще регистрируют свои интеллектуальные достижения и в других значимых юрисдикциях (ЕС и Японии). Это свидетельствует об их потенциальной коммерческой ценности за пределами страны. В результате преимущество Китая по числу патентов не отражает реального соотношения потенциалов в технической сфере.

Аргументация о различиях в качестве отслеживаемых показателей используется и для оспаривания представлений о росте китайской военной мощи. Так, американские аналитики отмечают, что китайские авианосцы уступают по размерам тем, которые стоят на вооружении Соединенных Штатов, и, соответственно, несут меньшее число самолетов. Например, водоизмещение новейшего авианесущего корабля Фуцзянь достигает 80 тысяч тонн, в то время как показатели американских кораблей того же класса составляют 87 и 100 тысяч тонн. Более того, последние располагают атомными двигателями с установками, повышающими радиус действия²².

²¹ В начале 2020-х гг. проблема была осознана в самом Китае. См., например, Ho M. (2021) China on a mission to turn 'junk' patents into treasure. *South China Morning Post*, 9 April. Available at: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3128815/china-mission-turn-junk-patents-treasure> (accessed 15 May 2024).

²² Lendon B. (2024) China's newest aircraft carrier heads to sea for first time. *CNN*, 1 May. Available at: <https://edition.cnn.com/2024/05/01/china/china-navy-newest-aircraft-carrier-fujian-sea-trial-intl-hnk-ml/index.html> (accessed 15 May 2024).

Аналогичным образом высказываются сомнения в достоверности китайской экономической статистики (Zhou & Zeng, 2018; Chen, Qiao & Zhu, 2021; Martinez, 2022). В частности, подозрения вызывает сглаженность публикуемых данных. Искажения связываются с заинтересованностью исполнителей на местах в выполнении плановых показателей. Обвинения в манипуляциях порождают подозрения в раздутых представлениях о ВВП Китая. Например, группа исследователей из Гонконга и Чикаго пришла к выводу о том, что рост экономики в 2010–2016 гг. был на 1,8% ниже заявленного (Chen, Chen, Hsieh & Song, 2019).

Критики тезиса об американском ослаблении также уверены, что традиционные метрики неправильно оценивают национальную мощь. В первую очередь, они возражают против использования данных о ВВП для определения экономического богатства. Этот индикатор не учитывает разницу между странами в эффективности производства и в накопленном благосостоянии. В частности, валовый показатель игнорирует неодинаковые издержки на производство единицы продукта, учитывая только факт затрат.

В качестве альтернативы ООН и Всемирный банк параллельно разработали инклюзивные индексы богатства. В обоих случаях ранжирование опирается на три компонента: производимый, человеческий и природный капитал. При этом методологии их расчета несколько различаются. ООН представила данные за период с 1990 по 2014 годы, в который разрыв между США и Китаем практически не менялся (см. рис. 1). Лишь в 2010-х гг. наметилось небольшое сокращение. Эти данные укрепляли позиции противников тезиса об ослаблении США.

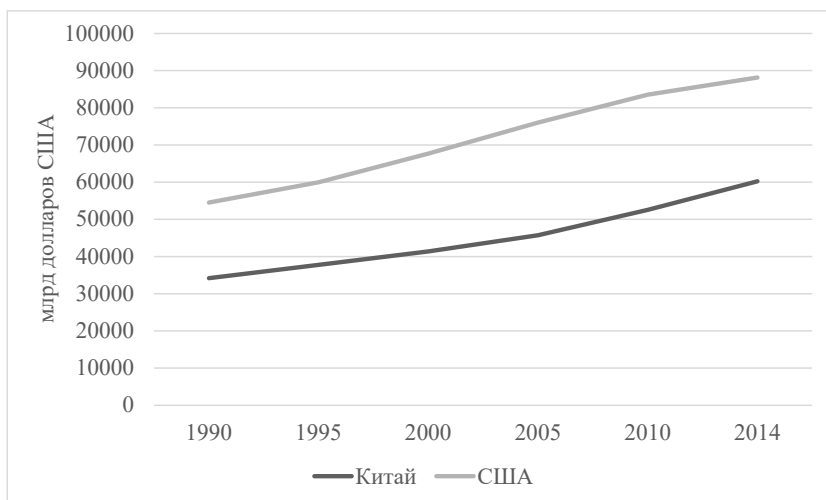


Рисунок 1. Динамика индекса инклюзивного богатства ООН²³

Figure 1. Trends in the UN Inclusive Wealth Index

²³ Источник: составлено автором по данным Программы ООН по окружающей среде.

Индекс общего богатства Всемирного банка, содержащий расчеты за более поздние годы, рисует менее оптимистичную для Вашингтона картину (см. рис. 2). Если в 2009 г. китайский потенциал по этому показателю оценивался в 52% от американского, то в 2018 г. он уже достигал 85%. Таким образом, оценка национального богатства стала фиксировать тот же тренд, что и показатели ВВП. Симптоматично, что с начала 2022 г. данные по ней более не обновлялись.

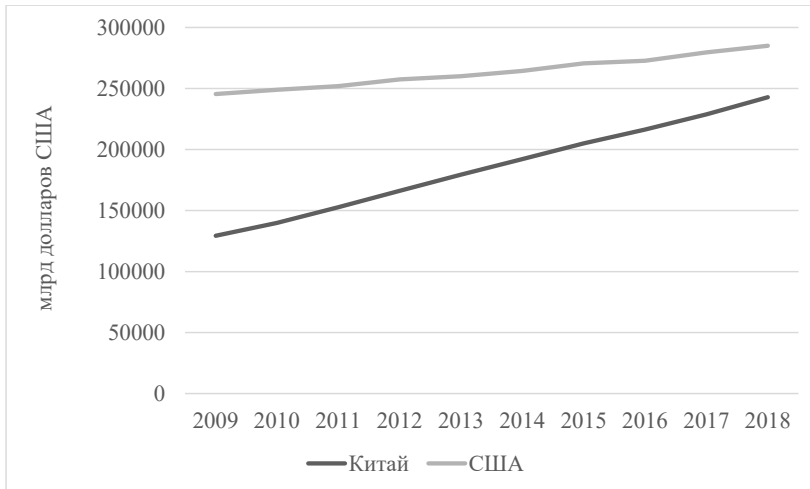


Рисунок 2. Динамика индекса общего богатства Всемирного банка²⁴
Figure 2. Trends in the World Bank Total Wealth Index

Тем не менее критики не отказываются от оспаривания экономических успехов Китая. Они указывают на то, что он вынужден расходовать значительную часть создаваемого богатства на удовлетворение потребностей гигантского населения. При этом ВВП на душу населения в КНР с 2009 по 2022 годы вырос более чем в два с половиной раза, но в абсолютных числах он увеличился всего на 14 тыс. долл. В США за тот же срок – на 29 тыс. То есть разрыв в производительности труда за это время не уменьшился, а вырос (см. рис. 3).

²⁴ Источник: составлено автором по данным Всемирного банка.

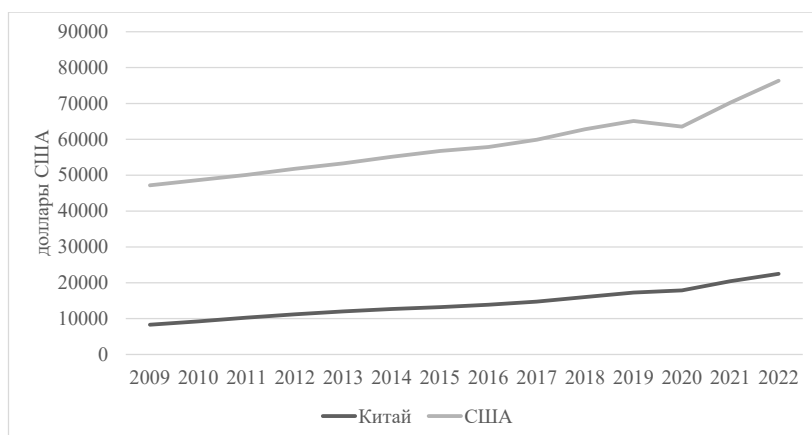


Рисунок 3. Динамика ВВП на душу населения²⁵
Figure 3. Trends in GDP per capita

Хотя традиционные метрики военных потенциалов и так фиксируют превосходство США, критики утверждают, что они недооценивают отставание Китая. В частности, сопоставление текущих расходов нивелирует вклад ранее сделанных инвестиций. Например, значительная часть вооружений продолжает использоваться спустя годы после приобретения. В результате Вашингтон, вкладывавший огромные ресурсы в военную мощь десятилетиями, располагает накопленным капиталом, который Пекину еще предстоит только создать.

Американские специалисты указывают, что КНР отстает от США по всем 13 основным типам систем, которые необходимы для проекции военной мощи в глобальном масштабе, включая спутниковую группировку, разные типы военных самолетов и вертолетов, крупные боевые корабли, атомные подводные лодки. По большинству из них количество единиц, имеющихся у Китая, составляет менее пятой части от американского. Лишь по числу крейсеров и эсминцев, а также военных спутников он достиг трети от показателей США (Brooks, Wohlforth, 2023).

Кроме того, Соединенные Штаты продолжают использовать ранее полученные опыт и знания для создания передовых видов военной техники, тогда как Китаю приходится приобретать их с нуля или закупать за границей, что требует больших ресурсов. Хотя в прошлом восходящие державы успешно справлялись с аналогичным вызовом, ряд специалистов утверждает, что сложность современных вооружений делает задачу догоняющей стороны более трудной, чем ранее (Gilli & Gilli, 2018).

Они также апеллируют к дефициту боевого опыта у Народно-освободительной армии Китая. В отличие от США, которые беспрерывно воевали на протяжении нескольких десятилетий в различных частях мира, КНР избега-

²⁵ Источник: составлено автором по данным Всемирного банка.

ла вовлечения в международные конфликты. Теоретические знания и участие в учениях не могут заменить реальную практику боевых операций. В этом отношении у американских вооруженных сил имеется значительное превосходство над конкурентами, которое не может быть компенсировано финансовыми вложениями.

В той мере, в какой достижения Китая признаются, ставится под вопрос продолжение его подъема в будущем²⁶. На руку таким сомнениям играет замедление темпов экономического роста КНР с конца 2010-х гг. Если в предшествующее десятилетие они превышали 10%, то к началу пандемии *COVID-19* устойчиво находились ниже 7%, а в 2023 г. оказались немногим выше 5%. Это по-прежнему больше, чем у США, но американские показатели остаются стабильными на протяжении длительного времени.

Противники тезиса об американском ослаблении проводят параллели между Китаем и Японией. Последняя демонстрировала большой динамизм, чем США, порождая вызов их преобладанию на ограниченном временном промежутке (Kennedy, 1989). Тем не менее она не выдержала экономическое соревнование с Соединенными Штатами на длительной дистанции. Япония перешла в стадию стагнации, так и не достигнув американского уровня производительности. При этом она была к нему ближе, чем КНР в середине 2020-х гг.

Подъем Китая с 1970-х гг. рассматривается как очередной продукт поздней индустриализации. Благодаря притоку зарубежного капитала и технологий, страна добивается форсированного роста национального хозяйства, но ее конкурентное преимущество в виде низкой стоимости труда с течением времени испаряется, и, соответственно, перспективы дальнейшего увеличения экономики снижаются. Сторонники этого подхода ожидают, что КНР не сможет перестроить свою экономику для достижения американского уровня производительности (Beckley, 2023)²⁷.

Такого рода скепсис высказывается длительное время²⁸, но с конца 2010-х гг. он стал получать подкрепление в виде появляющихся пузырей на строительном и финансовом рынках Китая. Наиболее же сильным аргументом в пользу слома тренда китайского роста выступают демографические сдвиги. В результате политики одного ребенка рождаемость в КНР значительно снизилась. Наблюдается стремительное старение населения. С 2022 г. наметилось даже снижение его численности.

²⁶ *The Financial Times* (2023) Is China in decline and what does it mean for the US? 11 September. Available at: <https://www.ft.com/content/587bb165-324c-490e-b5d0-8fbab9485a09> (accessed 15 May 2024); Osnos E. (2023) China's Age of Malaise. *The New Yorker*, 23 October. Available at: <https://www.newyorker.com/magazine/2023/10/30/chinas-age-of-malaise> (accessed 15 May 2024); French H.W. (2024) The Reason China Can't Stop Its Decline. *Foreign Policy*, 23 January. Available at: <https://foreignpolicy.com/2024/01/23/china-decline-economy-demographics-geopolitics-growth/> (accessed 15 May 2024).

²⁷ Collins K. The New Reality of Dealing With a China in Decline. *The Diplomat*, 7 June. Available at: <https://thediplomat.com/2024/06/the-new-reality-of-dealing-with-a-china-in-decline/> (accessed 10 June 2024).

²⁸ Наиболее известный пример: Chang, 2002.

В последующие десятилетия ожидаются снижение доли трудоспособного населения и достижение огромной массой людей пенсионного возраста. Соответственно, демографическая ситуация будет не только создавать препятствия экономическому росту, но и отвлекать растущую долю богатства, которая могла бы быть потрачена на внешнеполитические цели, для решения социальных вызовов. Ожидается, что эта проблема будет решена лишь к концу столетия, но к тому времени численность населения Китая уменьшится наполовину²⁹.

Между тем в США сохраняется устойчивая тенденция роста общей численности населения. Ожидается, что к 2054 г. она достигнет 383 млн – на 41 млн больше, чем в 2024 г. Хотя уровень фертильности понижается в обеих странах, в США изменение проходит более плавно. При этом они сохраняют привлекательность в качестве объекта иммиграции. В этой связи ожидается, что США сохранят более сбалансированную возрастную структуру и большую долю трудоспособных в общей численности населения до середины XXI века в сравнении с Китаем³⁰.

Дополнительным источником американского оптимизма выступает восстановление части ранее утраченных компетенций. Так, с 2021 г. наблюдается рост числа предприятий и занятых в большинстве отраслей обрабатывающей промышленности³¹. Открываются новые производства, снижающие зависимость США от внешних поставщиков, например, в производстве микрочипов³². Ведется также работа над повышением обеспеченности собственной ресурсной базой. В частности, в 2024 г. в США было разведано крупнейшее месторождение редкоземельных металлов³³.

Высказываемые аргументы против американского ослабления не безупречны. Часть заявлявшихся предположений о замедлении подъема Китая или даже его крахе уже были опровергнуты. В других случаях выдвигаемые оценки носят спекулятивный характер. Тезисы об исчерпании прежних источников роста игнорируют способность Пекина к адаптации перед лицом вызовов. С точки зрения настоящего исследования важна не степень корректности критики, а ее влияние на оценку перспектив соотношения сил и американскую стратегию.

²⁹ Rieffel L., Wang X. (2024) China's Population Could Shrink to Half by 2100. *Scientific American*, 1 May. Available at: <https://www.scientificamerican.com/article/chinas-population-could-shrink-to-half-by-2100/> (accessed 15 May 2024).

³⁰ U.S. Congressional Budget Office (2024) The Demographic Outlook: 2024 to 2054. January 2024. Available at: <https://www.cbo.gov/system/files/2024-01/59697-Demographic-Outlook.pdf> (accessed 15 May 2024).

³¹ Collins M. (2023) What Are the Obstacles to Reshoring? *Industry Week*, 6 December. Available at: <https://www.industryweek.com/the-economy/competitiveness/article/21278339/what-are-the-obstacles-to-reshoring> (accessed 15 May 2024).

³² Ngo M., Clark D. (2024) TSMC Will Receive \$6.6 Billion to Bolster U.S. Chip Manufacturing. *The New York Times*, 8 April. Available at: <https://www.nytimes.com/2024/04/08/us/politics/tsmc-taiwan-chips-grants.html> (accessed 15 May 2024).

³³ American Rare Earths (2024) Cowboy State Daily: Rare Earths Discovery Near Wheatland So Big It Could Be World Leader. 9 February. Available at: <https://americanrareearths.com.au/cowboy-state-daily-rare-earths-discovery-near-wheatland-so-big-it-could-be-world-leader/> (accessed 15 May 2024).

Китайский вызов в американском восприятии

Противники тезиса об ослаблении США уверены, что Соединенные Штаты в обозримой перспективе останутся наиболее могущественным государством мира. Признавая серьезность вызовов, порождаемых подъемом Китая, они не рассматривают КНР как равного конкурента. Их оценки разделяют официальные представители Вашингтона. В этой связи Стратегия национальной безопасности 2022 г. безапелляционно провозглашала: «Соединенные Штаты остаются ведущей мировой державой»³⁴.

Далее документ приводил длинный перечень оснований, обеспечивающих американское доминирование: «изобретательность, креативность, стойкость и решимость американского народа; наши ценности, разнообразие и демократические институты; наше технологическое лидерство и экономический динамизм; а также наш дипломатический корпус, профессионалы в области развития, разведывательное сообщество и наши вооруженные силы»³⁵. Показательно, что в перечислении преобладают абстрактно-оценочные, а не объективно-измеримые характеристики.

Столь бравурные утверждения продолжают длительную традицию американского славословия собственной национальной мощи. Предшествовавшие администрации в том или ином виде неизменно воспроизводили ее. Даже команда Дональда Трампа, критиковавшая предшественников за утрату американских позиций, включила в Стратегию национальной безопасности констатацию: «Америка обладает непревзойденными политическими, экономическими, военными и технологическими преимуществами»³⁶.

В 2020 г. на Мюнхенской конференции государственный секретарь Майк Помпео, подробно расписав вызов со стороны Китая, тем не менее триумфально заключил: «Запад побеждает»³⁷. В другом выступлении, прямо отсылая к упоминавшейся книге Аллисона, он отмечал: «Я отвергаю представление о том, что мы живем в эпоху неизбежности, что какая-то ловушка предопределена, что будущее за превосходством Коммунистической партии Китая»³⁸. Отрицая необходимость властного транзита, он постулировал непоколебимую веру в американское доминирование.

³⁴ The White House (2022) U.S. National Security Strategy. October 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 15 May 2024).

³⁵ Ibid.

³⁶ Trump White House - National Archives (2017) U.S. National Security Strategy. December 2017. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 15 May 2024).

³⁷ U.S. State Department (2020) Secretary Michael R. Pompeo Delivers Remarks at the Munich Security Conference. 15 February. Available at: https://www.state.gov/front-page/pompeo_munich_security_conference/ (accessed 15 May 2024).

³⁸ U.S. State Department (2020) Secretary Michael R. Pompeo Remarks "Communist China and the Free World's Future" 23 July. Available at: <https://2017-2021.state.gov/communist-china-and-the-free-worlds-future-2/> (accessed 15 May 2024).

Аналогичным образом в 2014 г. президент Барак Обама утверждал: *«По большинству индикаторов Америка редко находилась в более сильной позиции в сравнении с остальным миром. Те, кто утверждает обратное, предполагая, что Америка находится в упадке или что ее глобальное лидерство ускользает, либо неправильно понимают историю, либо вовлечены в партийные игры»*³⁹. Далее он приводил развернутый панегирик военной и экономической мощи США, заключая его воспроизведением идеологемы, ведущей отсчет с 1990-х гг., о том, что они – незаменимая нация.

Каким образом американское руководство согласовывало такие триумфалистские оценки с очевидными свидетельствами усиления Китая? Признавая успехи КНР в наращивании потенциала, СНБ 2022 г. постулировала: *«Вызовы, стоящие перед нашими соперниками, глубоки и нарастают. Их проблемы, как внутри самих этих стран, так и за рубежом, обусловлены патологиями, присущими персонализированным автократиям, и их труднее исправить, чем наши»*⁴⁰.

Конкретизируя этот тезис, президент США Джозеф Байден характеризовал положение в КНР как *«бомбу замедленного действия»*, указывая на глубокие экономические и социальные проблемы, с которыми сталкивается Пекин⁴¹. Государственный секретарь в его администрации, Энтони Блинкен, также уверял, что Соединенные Штаты находятся в хорошем положении, чтобы выиграть конкуренцию у Китая в ключевых областях⁴².

В обоснование оптимистических оценок сохранения американского доминирования звучали аргументы, соответствующие предположениям, сделанным в теоретическом разделе настоящего исследования. Они включали апелляции к идеологическим постулатам об априорном превосходстве либерально-демократической модели, а также ссылки на исторический опыт – предшествующие случаи противостояния великих держав, по итогам которых США сохраняли и укрепляли свое международное влияние.

С ростом числа эмпирических свидетельств ослабления США акцентирование ценностного превосходства над конкурентами в риторике Вашингтона только усиливалось. Еще в СНБ 2010 г. ценности провозглашались *«ключевым источником нашей силы и лидерства в мире – тем, что отличает нас*

³⁹ *Obama White House Archives* (2014) Remarks by the President at the United States Military Academy Commencement Ceremony. 28 May. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/05/28/remarks-president-united-states-military-academy-commencement-ceremony> (accessed 15 May 2024).

⁴⁰ *The White House* (2022) U.S. National Security Strategy. October 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 15 May 2024).

⁴¹ Shalal A., Martina M. (2023) Biden's 'ticking time bomb' remark referred to China's internal tensions -White House. *Reuters*, 11 August. Available at: <https://www.reuters.com/world/us/bidens-ticking-time-bomb-remark-referred-chinas-internal-tensions-white-house-2023-08-11/> (accessed 15 May 2024).

⁴² *U.S. State Department* (2022) The Administration's Approach to the People's Republic of China. Blinken A.J. 26 May. Available at: <https://www.state.gov/the-administrations-approach-to-the-peoples-republic-of-china/> (accessed 15 May 2024).

от врагов и потенциальных соперников»⁴³. Вместе с тем администрация Обама неоднократно подчеркивала необходимость подтверждать превосходство американской модели практическими результатами и не акцентировала значение идеологических различий.

При Трампе роль идеологических штампов возросла. Его администрация описывала великодержавное соперничество в терминах ценностного противостояния свободных обществ и репрессивных систем⁴⁴. В 2020 г. ее высокопоставленные представители выдали серию речей, направленных на демонизацию КНР и, особенно, Коммунистической партии Китая⁴⁵. Еще предваряя этот пропагандистский залп, госсекретарь Помпео безапелляционно объявил: «Свободные нации просто более успешны, чем любая другая модель, опробованная в истории цивилизации»⁴⁶.

Администрация Байдена унаследовала эту идеологизированную картину мира, описывая международную ситуацию в терминах противостояния демократий и автократий. В этой связи в 2021 г. новоизбранный президент США заявил, что верит в торжество демократии⁴⁷. Спустя два года, выступая на инициированном Вашингтоном Саммите за демократию, он утверждал, что происходит перелом в ее пользу⁴⁸. Такая риторика иллюстрировала идеологические основания американского оптимизма.

Их дополняли обращения к предшествующим успехам как свидетельству адаптивности США. Американские программные документы содержали множественные отсылки к двум мировым войнам и противостоянию с СССР

⁴³ *Obama White House Archives* (2010) U.S. National Security Strategy. May 2010. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed 15 May 2024).

⁴⁴ *Trump White House - National Archives* (2017) U.S. National Security Strategy. December 2017. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 15 May 2024).

⁴⁵ *U.S. State Department* (2020) Secretary Michael R. Pompeo Remarks "Communist China and the Free World's Future". 23 July. Available at: <https://2017-2021.state.gov/communist-china-and-the-free-worlds-future-2/> (accessed 15 May 2024); *US-China Institute* (2020) Remarks delivered by National Security Advisor Robert C. O'Brien "The Chinese Communist Party's Ideology and Global Ambitions". 24 June. Available at: <https://china.usc.edu/robert-o%E2%80%99brien-chinese-communist-party%E2%80%99s-ideology-and-global-ambitions-june-24-2020> (accessed 15 May 2024); *FBI* (2020) FBI Director Christopher Wray's Remarks "The Threat Posed by the Chinese Government and the Chinese Communist Party to the Economic and National Security of the United States". 7 July. Available at: <https://www.fbi.gov/news/speeches/the-threat-posed-by-the-chinese-government-and-the-chinese-communist-party-to-the-economic-and-national-security-of-the-united-states> (accessed 15 May 2024); *U.S. Department of Justice* (2020) Attorney General William P. Barr Delivers Remarks on China Policy at the Gerald R. Ford Presidential Museum. 16 July. Available at: <https://www.justice.gov/opa/speech/attorney-general-william-p-barr-delivers-remarks-china-policy-gerald-r-ford-presidential> (accessed 15 May 2024).

⁴⁶ *U.S. State Department* (2020) Secretary Michael R. Pompeo Delivers Remarks at the Munich Security Conference. 15 February. Available at: https://www.state.gov/front-page/pompeo_munich_security_conference/ (accessed 15 May 2024).

⁴⁷ *The White House* (2021) Remarks by President Biden at the 2021 Virtual Munich Security Conference. 19 February. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19/remarks-by-president-biden-at-the-2021-virtual-munich-security-conference/> (accessed 15 May 2024).

⁴⁸ *The White House* (2023) Remarks by President Biden at the Summit for Democracy Virtual Plenary on Democracy Delivering on Global Challenges. 29 March. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/03/29/remarks-by-president-biden-at-the-summit-for-democracy-virtual-plenary-on-democracy-delivering-on-global-challenges/> (accessed 15 May 2024).

как к примерам великодержавных столкновений, из которых США выходили победителем. Администрация Обамы обращалась к преодолению шока, вызванного терактами 11 сентября 2001 г., как еще одному примеру способности страны преодолевать трудные ситуации⁴⁹.

В уже упомянутой речи Помпео, рассуждая о победе над китайским авторитаризмом, заявлял: «...я верю, что мы сможем это сделать. Я верю, потому что мы делали это раньше»⁵⁰. Администрация Трампа также увязывала идеологические и исторические аргументы в обосновании превосходства США: «Америка вместе с союзниками и партнерами победила фашизм, империализм и советский коммунизм, устранив любые сомнения в силе и долговечности республиканской демократии, когда ее поддерживает свободный, гордый и единый народ»⁵¹.

СНБ 2022 г. также отсылала к прошлому опыту в обосновании перспектив доминирования США: «У Соединенных Штатов сложилась традиция превращать как внутренние, так и внешние проблемы в возможности для стимулирования реформ и обновления страны. Это одна из причин того, почему предсказания упадка Америки неоднократно опровергались в прошлом, и почему ставка против Америки никогда не срабатывала»⁵². Такие эзотерические упования на традицию нивелировали необходимость подтверждения преобладания США объективными данными.

Таким образом, содержание программной риторики подтверждает гипотезу о том, что отсутствие общепризнанных метрик потенциалов великих держав, разнонаправленность изменений по отдельным показателям и отсутствие гарантий воспроизводства текущих тенденций в будущем открывают пространство для интерпретаций динамики соотношения сил. Идеологическая вера в превосходство собственной модели и исторический опыт успешной конкуренции с оппонентами работают на обоснование оптимистических оценок американской мощи.

Показательно, что в описании перспектив сохранения могущества США и конкуренции с Китаем официальные представители зачастую прибегают к формулировкам, заведомо не предполагающим рационального доказательства. В своей риторике они сочетают оптимистические оценки с признанием необходимости приложения усилия для сохранения американских позиций.

⁴⁹ *Obama White House Archives* (2010) U.S. National Security Strategy. May 2010. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed 15 May 2024).

⁵⁰ *U.S. State Department* (2020) Secretary Michael R. Pompeo Remarks "Communist China and the Free World's Future". 23 July. Available at: <https://2017-2021.state.gov/communist-china-and-the-free-worlds-future-2/> (accessed 15 May 2024).

⁵¹ *Trump White House - National Archives* (2017) U.S. National Security Strategy. December 2017. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 15 May 2024).

⁵² *The White House* (2020) U.S. National Security Strategy. October 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 15 May 2024).

Одновременно они говорят, что верят в способность Соединенных Штатов удержать преобладание. Между тем в вопросах веры любые обоснования априори несущественны.

Эволюция стратегии: от условной аккомодации к выжидающему сдерживанию

В полном соответствии с описанной теоретической логикой, несмотря на призывы к мобилизации национальной мощи, политика Вашингтона лишена алармизма. Его стратегия не предполагает принятия срочных решительных мер в ответ на китайское усиление ни в виде вооруженного упреждения, ни в форме далеко идущих уступок. С течением времени она эволюционировала от стремления развеять опасения Китая относительно направленности американского курса к попыткам ограничения конфронтации. США стремятся снизить риски как сотрудничества, так и соперничества с КНР.

Восприятие КНР как растущего конкурента изначально побудило Вашингтон к линии на углубление связей с Пекином. В этой связи администрация Обамы инициировала запуск двустороннего Стратегического и экономического диалога в 2009 г., призванного интенсифицировать взаимодействие между странами⁵³. Он выступал воплощением популярных в экспертных кругах концепций «Кимерики» и Группы двух. Они предполагали закрепление в международной системе дуополии, построенной на симбиотических отношениях США и Китая (Ferguson & Schularick, 2007)⁵⁴.

Вместе с тем эта модель предполагала сохранение неравенства, в рамках которого Пекин подключался к мирорегулированию на американских условиях и в младшем качестве. Такая аккомодация не означала принципиальных уступок со стороны Вашингтона, лишь символическое признание возросшего статуса Китая. Как следствие, последний сдержанно отреагировал на предложение США брать большую ответственность за поддержание международного порядка без серьезных практических выгод⁵⁵.

Стоит отметить, что эта ограниченная аккомодация предлагалась Вашингтоном на фоне провала двух военных кампаний в Афганистане и Ираке, а также глубокого финансово-экономического кризиса. Предшествующий болезненный опыт поколебал американский оптимизм относительно собственных возможностей и перспектив. Он стимулировал поиск путей

⁵³ *U.S. State Department* (2009) Remarks by Secretary Clinton. A New Strategic and Economic Dialogue with China. 27 July. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/july/126455.htm> (accessed 15 May 2024).

⁵⁴ Fergusson N. (2008) Team Chimerica. *The Washington Post*, 16 November. Available at: <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/11/16/AR2008111601736.html> (accessed 15 May 2024).; Brzezinski Z. (2009) The Group of Two that Could Change the World. *Financial Times*, 13 January. Available at: <https://www.ft.com/content/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac> (accessed 15 May 2024).

⁵⁵ Jian J. (2009) China says 'no thanks' to G-2. *Asia Times*, 31 May. Available at: <https://web.archive.org/web/20090531065554/http://www.atimes.com/atimes/China/KE29Ad01.html> (accessed 15 May 2024).

урегулирования противоречий не только с Китаем, но и с другими оппонентами (Россией, Ираном)⁵⁶. По мере восстановления американской экономики к США вернулась и былая самоуверенность во внешней политике.

В результате с 2011 г. линия Вашингтона в отношении Пекина начала ужесточаться. Администрация Обамы заявила курс на *«поворот в Азию»*, в рамках которого активизировала дипломатическую работу в регионе⁵⁷. Она также запланировала выделение на тихоокеанский театр 60% от общей численности американских военно-морских и военно-воздушных сил (ранее на него приходилось 50%), договорилась о военном присутствии в Австралии и Сингапуре⁵⁸.

Знаковой инициативой Обамы стали переговоры по Транстихоокеанскому партнерству, предполагавшие заключение соглашения, охватывавшее также Японию, Канаду, ряд стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Оно было призвано создать гравитационное ядро, задающее правила международной торговли, к которым впоследствии вынуждены были бы присоединиться другие игроки, включая Китай⁵⁹. Одновременно США противодействовали китайским планам создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций.

Таким образом, США усиливали сдерживание КНР, но преимущественно в скрытых и косвенных формах. Более того, администрация Обамы всячески отрицала, что ее политика направлена против Китая. В программной статье, анонсировавшей *«поворот в Азию»*, госсекретарь Хилари Клинтон подчеркивала заинтересованность в развитии отношений с Пекином. Признавая наличие разногласий, она заключала: *«Мы оба получим гораздо больше от сотрудничества, чем от конфликта»*⁶⁰.

Аналогичные тезисы транслировал и президент Обама. Выступая в австралийском парламенте, он утверждал, что США поддерживают подъем Китая, ожидая его превращения в мирную, процветающую и стабильную страну, играющую ответственную роль на международной арене⁶¹. Стратегия

⁵⁶ Goldberg J. (2016) The Obama doctrine. *The Atlantic*, April 2016. Available at: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/> (accessed 15 May 2024).

⁵⁷ *Obama White House Archives* (2011) Remarks By President Obama to the Australian Parliament. 17 November. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament> (accessed 15 May 2024).

⁵⁸ *Manyin M.E. et al.* (2012) Pivot to the Pacific? The Obama Administration's "Rebalancing" Toward Asia. Congressional Research Service, 28 March. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/R42448.pdf> (accessed 15 May 2024).

⁵⁹ Показательно в этой связи президентское послание 2015 года, в котором Обама прямо заявлял, что Вашингтон, а не Пекин должен определять правила международной торговли, см. *Obama White House Archives* (2015) Remarks by the President in State of the Union Address. 20 January. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/01/20/remarks-president-state-union-address-january-20-2015#annotations:15915073> (accessed 15 May 2024).

⁶⁰ Clinton H. (2011) America's Pacific Century. *Foreign Policy*, November 2011. Available at: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas_pacific_century (accessed 15 May 2024).

⁶¹ *Obama White House Archives* (2014) Remarks by President Obama at the University of Queensland. 15 November. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/11/15/remarks-president-obama-university-queensland> (accessed 15 May 2024).

Вашингтона была направлена на то, чтобы обосновать бесперспективность соперничества с США, а не на то, чтобы подорвать потенциал оппонента. При этом Вашингтон демонстрировал неготовность к серьезным затратам на сдерживание Пекина.

Следующая администрация Трампа уже явственно постулировала конкурентный характер отношений с Китаем. В программных документах КНР прямо обозначалась как ревизионист и соперник⁶². Важнейшим инструментом политики Трампа стали торговые ограничения в отношении Китая, которые порождали потери в том числе для американского бизнеса⁶³. Вашингтон также нарастил военно-морскую активность в Южно-Китайском море и Тайваньском проливе, активизировал информационную работу по дискредитации китайской инициативы «Пояса и пути».

Хотя Трамп отказался от ратификации Транстихоокеанского партнерства, вызывавшего недовольство его избирателей, он продолжил линию на расширение активности в Азии. Он выдвинул Индо-Тихоокеанскую стратегию для привлечения Дели к сдерживанию Пекина⁶⁴. Совместно с Австралией, Индией и Японией США запустили Четырехсторонний диалог по безопасности, обеспечивающий координации противодействия усилению Китая. Вашингтон разработал новые механизмы стимулирования частных американских инвестиций в регионе.

Наращивая давление на Китай, США сохраняли сдержанность. Вашингтон подчеркивал, что «соперничество не всегда означает враждебность и необязательно ведет к конфликту»⁶⁵. Показательный пример дала речь Помпео, анонсировавшая Индо-Тихоокеанскую стратегию. Явственно намекая на Китай, он утверждал, что американский подход к региону не исключает сотрудничества ни с одной страной⁶⁶. Симптоматично также, что Вашингтон пошел на сделку с Пекином, приостанавливавшую часть торговых ограничений в преддверии выборов 2020 г.

Несмотря на репутацию Трампа как непредсказуемого лидера, склонного к радикальным жестам, под его руководством США продолжили линию на ограничение издержек соперничества с Китаем. Его политика не отрицала

⁶² *Trump White House - National Archives* (2017) U.S. National Security Strategy. December 2017. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 15 May 2024).

⁶³ Swanson A. (2018) Trump's Trade War With China Is Officially Underway. *The New York Times*, 5 July. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/07/05/business/china-us-trade-war-trump-tariffs.html> (accessed 15 May 2024). Проведенные расчеты продемонстрировали, что торговая война с Китаем снизила благосостояние США на 3%, см. Amiti, Kong, Weinstein, 2021.

⁶⁴ *Trump White House - National Archives* (2021) U.S. Strategic Framework for the Indo-Pacific. January 2021. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (accessed 15 May 2024).

⁶⁵ *Trump White House - National Archives* (2017) U.S. National Security Strategy. December 2017. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 15 May 2024).

⁶⁶ *U.S. State Department* (2018) Secretary Pompeo Addresses the Indo-Pacific Business Forum. 30 July. Available at: <https://2017-2021.state.gov/secretary-pompeo-addresses-the-indo-pacific-business-forum/> (accessed 15 May 2024).

возможность заключения договоренностей с оппонентом, но не ценой уступок с американской стороны. Одновременно она не предполагала инициирование превентивной войны с целью предотвратить усиление Пекина. Ставка делалась на долгосрочное превосходство в противостоянии.

Байден во многом продолжил курс предшественника. Он не только сохранил четырехсторонний формат с Австралией, Индией и Японией, но и дополнил его работу встречами на высшем уровне. США инициировали создание и других малосторонних объединений в Азии, включая AUKUS с Австралией и Великобританией, трехсторонний диалог с Республикой Корея и Японией, четырехсторонний диалог с Австралией Филиппинами и Японией. Тем самым они формировали сетевую архитектуру, призванную политически изолировать Китай⁶⁷.

Администрация Байдена существенно интенсифицировала работу по технологическому сдерживанию КНР, начатую Трампом. При этом она сместила фокус с ограничения китайских корпораций в развитии сетей 5G в сторону затруднения его доступа к передовым микрочипам. Вашингтон ужесточил регулирование американских инвестиций в Китай, вновь демонстрируя готовность нести финансовые издержки противостояния с Пекином и подрывая ранее сложившуюся систему взаимозависимости⁶⁸.

Байден также постарался компенсировать ущерб, нанесенный отказом от Транстихоокеанского партнерства. В этой связи он выступил инициатором переговоров по Индо-Тихоокеанскому экономическому рамочному соглашению, призванному закрепить выгодные Вашингтону стандарты регулирования мирового хозяйства без снятия тарифных ограничений⁶⁹. США также активизировали противодействие китайскому проникновению в Южную часть тихоокеанского бассейна, сформировав группу «Партнеры в голубом Тихом океане»⁷⁰.

Вместе с тем администрация Байдена подчеркивала, что ее цель – удерживать соперничество от сползания в конфронтацию. Более того, она декларировала стремление выработать с Китаем барьеры на пути нежелательной эскалации⁷¹. В этой связи торговый представитель США Кэтрин Тай призвала

⁶⁷ Она вызывает явные аналогии с системой соглашений против Франции, сформированных О. фон Бисмарком в 1870–х – 1880–х гг., см. Rosecrance, 2014.

⁶⁸ Swanson A. (2022) Biden Administration Clamps Down on China's Access to Chip Technology. *The New York Times*, 7 October. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/10/07/business/economy/biden-chip-technology.html> (accessed 15 May 2024).

⁶⁹ Арапова Е.Я. (2022) Индо-Тихоокеанская экономическая структура: американский ответ ВРЭП? *Российский совет по международным делам*, 03.06.2022. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pryzhok-aziatskikh-tigrov-vv-prostranstvo-megaregionov/> (дата обращения: 15.05.2024).

⁷⁰ *The White House* (2022) Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom, and the United States on the Establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP) 24 June. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-by-australia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-the-establishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-bbp/> (accessed 15 May 2024).

⁷¹ *The White House* (2021) Remarks by President Biden and President Xi of the People's Republic of China Before Virtual Meeting. 15 November. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/11/15/remarks-by-president-biden-and-president-xi-of-the-peoples-republic-of-china-before-virtual-meeting/> (accessed 15 May 2024).

к «длительному сосуществованию» с КНР⁷². В свою очередь Блинкен выдвинул формулу: «Мы будем стойки в соперничестве; мы будем сотрудничать там, где сможем; мы будем оспаривать то, что должны. Мы не ищем конфликта»⁷³.

Таким образом, США с начала 2010-х гг. усиливают давление на Китай, задействуя широкий спектр экономических, военных и дипломатических инструментов. В рамках этой политики они демонстрируют готовность нести ограниченные издержки. Тем не менее, их подход свидетельствует об уверенности в отсутствии необходимости предпринимать сверхусилия для сдерживания и ослабления оппонента. Он ориентирован на затяжное изматывание КНР, а не нанесение решительного поражения.

Заметное место в этой политике занимает опора на союзников и партнеров, на которых Вашингтон стремится переложить значительную часть бремени по противоборству с Китаем. Этот курс свидетельствует об ожиданиях их высокого уровня лояльности, того, что они не перейдут на сторону Пекина в рамках текущего противостояния. Он также указывает на высокую уверенность американского руководства относительно долгосрочной устойчивости позиций США.

Заключение

Внешнеполитическое высокомерие Вашингтона породило немало негативных последствий как для самих США, так и для международных отношений. Оно стимулировало увлечение агрессивным мессианством и интервенционизмом, затратные войны, дестабилизацию ряда стран и регионов (Шаклеина, 2018; Mearsheimer, 2018; Walt, 2018). Вместе с тем в случае политики на китайском направлении вера в собственную мощь оказывала сдерживающее влияние на американскую политику в отношении Пекина.

Несмотря на многочисленные свидетельства ослабления США в сравнении с КНР и признание Пекина в качестве стратегического оппонента, Вашингтон сохранял оптимизм относительно перспектив удержания привилегированного положения в мире. Под влиянием идеологических представлений и опыта американских успехов в XX веке он ориентировался преимущественно на те индикаторы, которые ставят под сомнение масштабы усиления Китая. В результате США не испытывали необходимости срочного устранения конкурента без оглядки на риски.

Непреклонная уверенность в собственном могуществе сделала возможной ставку на затяжное изматывание оппонента. Хотя политика США содержала в себе элементы давления, она в большей степени соответствовала

⁷² Office of the U.S. Trade Representative (2021) Remarks As Prepared for Delivery of Ambassador Katherine Tai Outlining the Biden-Harris Administration's "New Approach to the U.S.-China Trade Relationship". October 2021. Available at: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/speeches-and-remarks/2021/october/remarks-prepared-delivery-ambassador-katherine-tai-outlining-biden-harris-administrations-new> (accessed 15 May 2024).

⁷³ U.S. State Department (2022) The Administration's Approach to the People's Republic of China. Blinken A.J. 26 May. Available at: <https://www.state.gov/the-administrations-approach-to-the-peoples-republic-of-china/> (accessed 15 May 2024).

логике выжидания в расчете на то, что Китай окажется неспособен конкурировать. Если расчет Вашингтона в перспективе не оправдывается, ему придется выбирать между эскалацией и аккомодацией Пекина в условиях еще худшего соотношения сил, чем ранее.

Опыт Вашингтона побуждает скорректировать устоявшиеся теоретические представления о динамике великодержавного соперничества. Он показывает, что недостаток достоверной информации может вести не только к обострению соперничества (как предполагает «дилемма безопасности»), но и к ограничению конфронтации. Он также дополняет рационалистические модели властного транзита влиянием психологических искажений, объясняя оттягивание слабеющей державой попыток превентивного удара по оппоненту.

Список литературы

1. Батюк В.И. (2019). Американо-китайские отношения: возвращение холодной войны? *США и Канада: экономика, политика, культура* 49 (5): 22–38.
2. Батюк В.И. (2023). Подходы США к сдерживанию России и Китая (по материалам документов стратегического планирования администрации Дж. Байдена). *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика* 15 (2): 153–183.
3. Богатуров А.Д. (2006). Лидерство и децентрализация в международной системе. *Международные процессы* 4 (3): 5–15.
4. Бычкова Т.А. (2014). Китайская политика администрации Барака Обамы в 2009–2012 гг. *Вестник Томского государственного университета* 388: 106–113.
5. Давыдова Ю.А., Кокоулина О.П., Денисенкова Н.Н. (2019). Внешняя политика США в начале XXI века: отношения с Китаем. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки* 2: 95–102.
6. Истомин И.А. (2018). *Логика поведения государств в международной политике*. М.: Аспект пресс.
7. Караганов С.А. (2019). Уход военного превосходства Запада и геэкономика. *Полис. Политические исследования* 6: 8–21.
8. Лексютина Я.В. (2011). Китайский вектор внешней политики Б. Обамы: преемственность и инновации. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК* 7 (1): 222–236.
9. Лексютина Я.В. (2012). Нюансы политики администрации Б. Обамы в Азиатско-Тихоокеанском регионе и интересы Китая. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения* 3: 103–109.
10. Лексютина Я.В. (2018). Китай как ответственная великая держава. *Международные процессы* 16 (2): 60–72.
11. Лексютина Я.В. (2019). Роль Китая в стратегии «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» Д. Трампа. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения* 19(1): 22–34.
12. Лексютина Я.В. (2020). Американо-китайские отношения в 2018–2019 гг.: торговая война и процесс декаплинга. *Мировая экономика и международные отношения* 64 (6): 85–93.
13. Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А. (2021). Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав. *Полис. Политические исследования* 3: 57–76.
14. Фукидид (1999). *История*. СПб.: Наука.

15. Хрусталеv М.А. (2008). *Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза*. М.: НОФМО.
16. Шаклеина Т.А. (2011). Великие державы и региональные подсистемы. *Международные процессы* 9 (2): 29–39.
17. Шаклеина Т.А. (2018). Какая Америка нужна миру? *Международные процессы* 16 (1): 40–52.
18. Allison G. (2017). *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt.
19. Amity M., Kong S. H., Weinstein D. (2021). *Trade Protection, Stock-Market Returns, and Welfare*. National Bureau of Economic Research. Available at: <https://www.nber.org/papers/w28758> (accessed 15 May 2024).
20. Beckley M.C. (2011). China's Century? Why America's Edge Will Endure. *International security* 36 (3): 41–78.
21. Beckley M.C. (2018). *Unrivaled: Why America Will Remain the World's Sole Superpower*. Ithaca: Cornell University Press.
22. Beckley M.C. (2020). China's Economy Is Not Overtaking America's. *Journal of Applied Corporate Finance* 32 (2): 10–23.
23. Beckley M.C. (2023). The Peril of Peaking Powers: Economic Slowdowns and Implications for China's Next Decade. *International Security* 48 (1): 7–46.
24. Brooks S.G., Wohlforth W.C. (2016a). *America Abroad: The United States' Global Role in the 21st Century*. Oxford: Oxford University Press.
25. Brooks S.G., Wohlforth W.C. (2016b). The Once and Future Superpower: Why China Won't Overtake the United States. *Foreign Affairs* 95 (3): 91–104.
26. Brooks S.G., Wohlforth W.C. (2016c). The Rise and Fall of the Great Powers in the Twenty-first Century: China's Rise and the Fate of America's Global Position. *International Security* 40 (3): 7–53.
27. Brooks S.G., Wohlforth W.C. (2023). The Myth of Multipolarity: American Power's Staying Power. *Foreign Affairs* 102 (3): 76–92.
28. Chang G.G. (2002). *The Coming Collapse of China*. N.Y.: Random House.
29. Chen S., Qiao X., Zhu Z. (2021). Chasing Or Cheating? Theory and Evidence on China's GDP Manipulation. *Journal of Economic Behavior & Organization* 189: 657–671.
30. Chen W., Chen X., Hsieh C.T., Song Z. (2019). *A Forensic Examination of China's National Accounts*. National Bureau of Economic Research. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w25754/w25754.pdf (accessed 15 May 2024).
31. Cohen W.I. (2019). *America's Response to China: A History of Sino-American Relations*. N.Y.: Columbia University Press.
32. Copeland D.C. (2001). *The Origins of Major War*. Ithaca: Cornell University Press.
33. Copeland D.C. (2015). *Economic Interdependence and War*. Princeton: Princeton University Press.
34. Cramer J.K., Thrall A.T. (2009). Introduction: Understanding Threat Inflation. In: T. Thrall, J.K. Cramer (eds) *American Foreign Policy and the Politics of Fear*. Oxon Routledge: 19–33.
35. Doshi R. (2021). *The Long Game: China's Grand Strategy to Displace American Order*. Oxford: Oxford University Press.
36. Ferguson N., Schularick M. (2007). 'Chimerica' and the Global Asset Market Boom. *International Finance* 10 (3): 215–239.
37. Fravel M.T., Gillboy G.J., Heginbotham E. (2024). Estimating China's Defense Spending: How to Get It Wrong (and Right). *Texas National Security Review* 7 (3): Available at: <https://tnsr.org/2024/06/estimating-chinas-defense-spending-how-to-get-it-wrong-and-right/> (accessed 25 June 2024).
38. Gilli A., Gilli M. (2018). Why China Has Not Caught Up Yet: Military-Technological Superiority and the Limits of Imitation, Reverse Engineering, and Cyber Espionage. *International Security* 43 (3): 141–189.

39. Gilpin R. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
40. Itzkowitz-Shiffrinson J.R. (2018). *Rising Titans, Failing Giants. How Great Powers Exploit Power Shifts*. Ithaca: Cornell University Press.
41. Jacques M. (2012). *When China Rules the World: The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World*. N.Y.: Penguin UK.
42. Jervis R. (1976). *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton: Princeton University Press.
43. Jervis R. (2009). Understanding Beliefs and Threat Inflation. In: T. Thrall, J.K. Cramer (eds) *American Foreign Policy and the Politics of Fear*. Oxon: Routledge: 34–57.
44. Kennedy P. (1989). *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. N.Y.: Vintage Books.
45. Layne C. (2018). The US–Chinese Power Shift and the End of the Pax Americana. *International Affairs*. 94 (1): 89–111.
46. MacDonald P.K., Parent J.M. (2011). Graceful Decline? The Surprising Success of Great Power Retrenchment. *International Security* 35 (4): 7–44.
47. MacDonald P.K., Parent J.M. (2018). *Twilight of the Titans: Great Power Decline and Retrenchment*. Ithaca: Cornell University Press.
48. Mahbubani K. (2009). *The New Asian Hemisphere: The Irresistible Shift of Global Power to the East*. N.Y.: PublicAffairs.
49. Martinez L.R. (2022). How Much Should We Trust the Dictator's GDP Growth Estimates? *Journal of Political Economy* 130 (10): 2731–2769.
50. Mearsheimer J.J. (2006). China's Unpeaceful Rise. *Current History* 105 (690): 160–162.
51. Mearsheimer J.J. (2018). *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven: Yale University Press.
52. Neustadt R.E., May E. (1986). *Thinking in Time: The Uses of History for Decision Makers*. N.Y.: Free Press.
53. Organski A.F., Kugler J. (1980). *The War Ledger*. Chicago: University of Chicago Press.
54. Rosecrance R.N. (2014). Allies, Overbalance and War. In: R. Rosecrance, St. Miller (eds) *The Next Great War? The Roots of World War I and the Risk of U.S.-China Conflict*. Cambridge MA: MIT Press: 45–56.
55. Schake K. (2017). *Safe Passage*. Boston: Harvard University Press.
56. Singer J.D. (1988). Reconstructing the Correlates of War Dataset on Material Capabilities of States, 1816–1985. *International Interactions* 14 (2): 115–132.
57. Snyder J. (2009). Imperial Myths and Threat Inflation. In: T. Thrall, J.K. Cramer (eds) *American Foreign Policy and the Politics of Fear*. Oxon: Routledge: 58–71.
58. Starbuck W.H., Hedberg B. (2001). How Organizations Learn from Success and Failure. *Handbook of organizational learning and knowledge*. Oxford: Oxford University Press: 327–350.
59. Tellis A.J. (2001). *Measuring National Power in the Postindustrial Age*. Santa Monica: Rand Corporation.
60. Tetlock P.E. (2005). *Expert Political Judgement: How Good Is It? How Can We Know?* Princeton, N.J.: Princeton University Press.
61. Treisman D. (2004). Rational Appeasement. *International Organization* 58 (2): 345–373.
62. Van Evera S. (1999). *Causes of War: Power and the Roots of Conflict*. Ithaca: Cornell University Press.
63. Walt S.M. (2018). *The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of US Primacy*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux.
64. Wohlforth W.C. (1993). *The Elusive Balance: Power and Perceptions During the Cold War*. Ithaca: Cornell University Press.
65. Yoder B.K. (2019). Retrenchment as a Screening Mechanism: Power Shifts, Strategic Withdrawal, and Credible Signals. *American Journal of Political Science* 63 (1): 130–145.

66. Zhou Q., Zeng J. (2018). *Mayors' Promotion Incentives and Subnational-level GDP Manipulation in China*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3269645> (accessed 15 May 2024).

Comparative Politics. Volume 15. No. 1. January–March / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-1-15-62-94

WHY DOES NOT THE U.S. ATTACK CHINA? THE FOG OF THE FUTURE AND HISTORIC OPTIMISM IN POLICIES OF GREAT POWERS

Dr. Igor A. ISTOMIN – Associate Professor, Head, Department of Applied International Political Analysis, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-8334-6343. E-mail: iaistomin@gmail.com

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received June 3, 2024

Accepted June 17, 2024

Abstract: The rise of China constitutes a challenge for the U.S. hegemonic aspirations. However, Washington reacts to it rather belatedly and with restraint. Up until the mid-2020s, the United States did not consider the preventive use of force as a means to deter its competitor. On the contrary, it maintained intensive economic ties with China, contributing to its further strengthening. The article argues that the U.S. policy towards China reflects the optimism within the U.S. leadership regarding the long-term preservation of the foundations of its international standing. In other words, the United States does not perceive itself a declining power; rather, it believes that China will not be able to compete with it in the forceable future. In this regard, the U.S. has pursued primarily a delaying strategy, combining restrained pressure with unwillingness to either escalate or make significant concessions. The U.S. optimism proceeds from the prevailing uncertainty in international relations about the relative balance of power among great powers and the unclear prospects of future shifts in national capabilities. Under these conditions, Washington relies on ideological convictions in the superiority of its political, economic and social model over its competitors and appeals to the past patterns of great power rivalry. This study covers the period from the late 2000s to the mid-2020s. The article begins with a theoretical justification of the origins of optimism of weakening powers. Then, it examines changes in balance of power between the U.S. and China based on traditional indicators of national capabilities. Following this, the article explores the arguments against the U.S. decline and summarizes official assessments of threats to U.S. global standing. Finally, it traces the comparative roles of accommodation, coercion and restraint in the U.S. policy towards China. The analysis envisages an adjustment in the conceptual understanding of the dynamics of great power rivalry. It demonstrates that the lack of reliable information does not necessarily lead to intensifications of rivalries (as suggested by the “security dilemma”), but can also limit confrontation.

Keywords: USA, foreign policy, deterrence, accommodation, preventive war, power transition, ideologization, China's rise

References:

1. Allison G. (2017). *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt.
2. Amiti M., Kong S. H., Weinstein D. (2021). *Trade Protection, Stock-Market Returns, and Welfare*. National Bureau of Economic Research. Available at: <https://www.nber.org/papers/w28758> (accessed 15 May 2024).
3. Batyuk V.I. (2019). Amerikano-kitajskie otnosheniya: vozvraschenie kholodnoj vojny? [U.S.-China relations: return to the Cold War?] *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kultura [USA and Canada: economy, politics, culture]* 49 (5): 22–38. (In Russian).
4. Batyuk V.I. (2023). Podkhody SSHA k sderzhivaniyu Rossii i Kitaya (po materialam dokumentov strategicheskogo planirovaniya administratsii Dzh. Bajdena) [U.S. approaches to deter Russia and China (based on the strategic planning documents of the administration of J. Biden)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [Bulletin of Moscow University. Series 25. International relations and world politics]* 15 (2): 153–183. (In Russian).
5. Beckley M.C. (2011). China's Century? Why America's Edge Will Endure. *International security* 36 (3): 41–78.
6. Beckley M.C. (2018). *Unrivaled: Why America Will Remain the World's Sole Superpower*. Ithaca: Cornell University Press.
7. Beckley M.C. (2020). China's Economy Is Not Overtaking America's. *Journal of Applied Corporate Finance* 32 (2): 10–23.
8. Beckley M.C. (2023). The Peril of Peaking Powers: Economic Slowdowns and Implications for China's Next Decade. *International Security* 48 (1): 7–46.
9. Bogaturov A.D. (2006). Liderstvo i detsentralizatsiya v mezhdunarodnoj sisteme [Leadership and decentralization in international system]. *Mezhdunarodnye protsessy [International trends]* 4 (3): 5–15. (In Russian).
10. Brooks S.G., Wohlforth W.C. (2016a). *America Abroad: The United States' Global Role in the 21st Century*. Oxford: Oxford University Press.
11. Brooks S.G., Wohlforth W.C. (2016b). The Once and Future Superpower: Why China Won't Overtake the United States. *Foreign Affairs* 95 (3): 91–104.
12. Brooks S.G., Wohlforth W.C. (2016c). The Rise and Fall of the Great Powers in the Twenty-first Century: China's Rise and the Fate of America's Global Position. *International Security* 40 (3): 7–53.
13. Brooks S.G., Wohlforth W.C. (2023). The Myth of Multipolarity: American Power's Staying Power. *Foreign Affairs* 102 (3): 76–92.
14. Bychkova T.A. (2014). Kitajskaya politika administratsii Baraka Obamy v 2009–2012 gg. [Chinese policy of the administration of Barack Obama in 2009 – 2012] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk state university]* 388: 106–113. (In Russian).
15. Chang G.G. (2002). *The Coming Collapse of China*. N.Y.: Random House.
16. Chen S., Qiao X., Zhu Z. (2021). Chasing Or Cheating? Theory and Evidence on China's GDP Manipulation. *Journal of Economic Behavior & Organization* 189: 657–671.
17. Chen W., Chen X., Hsieh C.T., Song Z. (2019). *A Forensic Examination of China's National Accounts*. National Bureau of Economic Research. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w25754/w25754.pdf (accessed 15 May 2024).
18. Cohen W.I. (2019). *America's Response to China: A History of Sino-American Relations*. N.Y.: Columbia University Press.
19. Copeland D.C. (2001). *The Origins of Major War*. Ithaca: Cornell University Press.
20. Copeland D.C. (2015). *Economic Interdependence and War*. Princeton: Princeton University Press.
21. Cramer J.K., Thrall A.T. (2009). Introduction: Understanding Threat Inflation. In: T. Thrall, J.K. Cramer (eds) *American Foreign Policy and the Politics of Fear*. Oxon Routledge: 19–33.

22. Davydova Yu.A., Kokoulina O.P., Denisenkova N.N. (2019). Vneshnyaya politika SSHA v nachale XXI veka: otnosheniya s Kitaem [U.S. foreign policy in the early 21st century: relations with China] *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: istoriya i politicheskie nauki [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: history and political sciences]* 2: 95–102.
23. Doshi R. (2021). *The Long Game: China's Grand Strategy to Displace American Order*. Oxford: Oxford University Press.
24. Ferguson N., Schularick M. (2007). 'Chimerica' and the Global Asset Market Boom. *International Finance* 10 (3): 215–239.
25. Fravel M.T., Gillboy G.J., Heginbotham E. (2024). Estimating China's Defense Spending: How to Get It Wrong (and Right). *Texas National Security Review* 7 (3): Available at: <https://tnsr.org/2024/06/estimating-chinas-defense-spending-how-to-get-it-wrong-and-right/> (accessed 25 June 2024).
26. Gilli A., Gilli M. (2018). Why China Has Not Caught Up Yet: Military-Technological Superiority and the Limits of Imitation, Reverse Engineering, and Cyber Espionage. *International Security* 43 (3): 141–189.
27. Gilpin R. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
28. Istomin I.A. (2018). *Logika povedeniya gosudarstv v mezhdunarodnoj politike [Logic of state behavior in international politics]*. Moscow: Aspekt press. (In Russian).
29. Itzkowitz-Shiffrin J.R. (2018). *Rising Titans, Failing Giants. How Great Powers Exploit Power Shifts*. Ithaca: Cornell University Press.
30. Jacques M. (2012). *When China Rules the World: The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World*. N.Y.: Penguin UK.
31. Jervis R. (1976). *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton: Princeton University Press.
32. Jervis R. (2009). Understanding Beliefs and Threat Inflation. In: T. Thrall, J.K. Cramer (eds) *American Foreign Policy and the Politics of Fear*. Oxon: Routledge: 34–57.
33. Karaganov S.A. (2019). Ukhod voennogo prevoskhodstva Zapada i geoeconomika [Departure of the military primacy of the West and geoeconomics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political studies]* 6: 8–21. (In Russian).
34. Kennedy P. (1989). *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. N.Y.: Vintage Books.
35. Khrustalev M.A. (2008). *Analiz mezhdunarodnykh situatsij i politicheskaya ekspertiza [Analysis of international situations and political expertise]*. Moscow: NOFMO. (In Russian).
36. Layne C. (2018). The US–Chinese Power Shift and the End of the Pax Americana. *International Affairs*. 94 (1): 89–111.
37. Leksyutina Ya.V. (2011). Kitajskij vector vneshnej politiki B. Obamy: preemstvennost' i innovatsii [Chinese vector of foreign policy of Barack Obama: continuity and innovation]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS [Political Expertise: POLITEKS]* 7 (1): 222–236. (In Russian).
38. Leksyutina Ya.V. (2012). Nyansy politiki administratsii B. Obamy v Aziatsko-Tikhoookeanskom regione i interesy Kitaya [Specifics of the policy of Barack Obama's administration in Asia Pacific region and interests of China]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of Saint Petersburg University. International relations]* 3: 103–109. (In Russian).
39. Leksyutina Ya.V. (2018). Kitaj kak otevetstvennaya velikaya derzhava [China as a responsible great power]. *Mezhdunarodnye protsessy [International trends]* 16 (2): 60–72. (In Russian).
40. Leksyutina Ya.V. (2019). Rol Kitaya v strategii "Svobodnyj i otkrytyj region" D. Trumpa [Role of China in Donald Trump's "Free and open Indo-Pacific region"]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of Russian People's Friendship University. Series: International relations]* 19(1): 22–34. (In Russian).

41. Leksyutina Ya.V. (2020). Amerikano-kitajskie otnosheniya v 2018–2019 gg.: trgovaya vojna i protsess dekapinga [U.S.–China relations in 2018–2019: trade war and the process of decoupling]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]* 64 (6): 85–93. (In Russian).
42. MacDonald P.K., Parent J.M. (2011). Graceful Decline? The Surprising Success of Great Power Retrenchment. *International Security* 35 (4): 7–44.
43. MacDonald P.K., Parent J.M. (2018). *Twilight of the Titans: Great Power Decline and Retrenchment*. Ithaca: Cornell University Press.
44. Mahbubani K. (2009). *The New Asian Hemisphere: The Irresistible Shift of Global Power to the East*. N.Y.: PublicAffairs.
45. Martinez L.R. (2022). How Much Should We Trust the Dictator's GDP Growth Estimates? *Journal of Political Economy* 130 (10): 2731–2769.
46. Mearsheimer J.J. (2006). China's Unpeaceful Rise. *Current History* 105 (690): 160–162.
47. Mearsheimer J.J. (2018). *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven: Yale University Press.
48. Neustadt R.E., May E. (1986). *Thinking in Time: The Uses of History for Decision Makers*. N.Y.: Free Press.
49. Organski A.F., Kugler J. (1980). *The War Ledger*. Chicago: University of Chicago Press.
50. Rosecrance R.N. (2014). Allies, Overbalance and War. In: R. Rosecrance, St. Miller (eds) *The Next Great War? The Roots of World War I and the Risk of U.S.–China Conflict*. Cambridge MA: MIT Press: 45–56.
51. Safranchuk I.A., Lukyanov F.A. (2021). Sovremennyy mirovoj poryadok: strukturnye realii i sopernichestvo velikikh derzhav [Current world order: structural realities and competition of great powers]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political studies]* 3: 57–76. (In Russian).
52. Schake K. (2017). *Safe Passage*. Boston: Harvard University Press.
53. Shakleina T.A. (2011). Velikie derzhavy i regionalnye podsistemy [Great powers and regional subsystems]. *Mezhdunarodnye protsessy [International Trends]* 9 (2): 29–39. (In Russian).
54. Shakleina T.A. (2018). Kakaya Amerika nuzhna miru? [Which America does the world need?] *Mezhdunarodnye protsessy [International trends]* 16 (1): 40–52. (In Russian).
55. Singer J.D. (1988). Reconstructing the Correlates of War Dataset on Material Capabilities of States, 1816–1985. *International Interactions* 14 (2): 115–132.
56. Snyder J. (2009). Imperial Myths and Threat Inflation. In: T. Thrall, J.K. Cramer (eds) *American Foreign Policy and the Politics of Fear*. Oxon: Routledge: 58–71.
57. Starbuck W.H., Hedberg B. (2001). How Organizations Learn from Success and Failure. *Handbook of organizational learning and knowledge*. Oxford: Oxford University Press: 327–350.
58. Tellis A.J. (2001). *Measuring National Power in the Postindustrial Age*. Santa Monica: Rand Corporation.
59. Tetlock P.E. (2005). *Expert Political Judgement: How Good Is It? How Can We Know?* Princeton, N.J.: Princeton University Press.
60. Thucydides (1999). *Istoriya [History]*. SPb.: Nauka. (In Russian).
61. Treisman D. (2004). Rational Appeasement. *International Organization* 58 (2): 345–373.
62. Van Evera S. (1999). *Causes of War: Power and the Roots of Conflict*. Ithaca: Cornell University Press.
63. Walt S.M. (2018). *The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of US Primacy*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux.
64. Wohlforth W.C. (1993). *The Elusive Balance: Power and Perceptions During the Cold War*. Ithaca: Cornell University Press.
65. Yoder B.K. (2019). Retrenchment as a Screening Mechanism: Power Shifts, Strategic Withdrawal, and Credible Signals. *American Journal of Political Science* 63 (1): 130–145.
66. Zhou Q., Zeng J. (2018). *Mayors' Promotion Incentives and Subnational-level GDP Manipulation in China*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3269645> (accessed 15 May 2024).